

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. — М., 1970. 527 стр.

Книга А. А. Реформатского посвящена только одной из страниц истории советской фонологии, а именно — истории Московской фонологической школы. Другие направления рассматриваются в ней лишь попутно как фон, на котором складывались и развивались идеи этой школы. Большую часть книги (стр. 123—523) занимает хрестоматия (точнее было бы сказать — антология) фонологических работ основателей и сторонников Московской фонологической школы, в основном — Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова и А. А. Реформатского, опубликованных в разных изданиях, начиная с 1930 и кончая 1963 г.

Хрестоматии предпослан монографический очерк ее составителя (стр. 9—120), с рассмотрения которого естественно и начать разбор рецензируемой книги в целом.

А. А. Реформатский избрал мемуарный стиль изложения, чем освободил себя от обязанности документировать все сообщаемые им факты и сведения, многие из которых восстанавливаются просто по памяти. Для читателя такой стиль должен быть известным предупреждением, ибо никто не может поручиться за безусловную достоверность своих воспоминаний, но от читателя естественно ожидать доверия к автору, а это накладывает на него еще большую ответственность как научную, так и этическую.

В «Очерке», написанном со свойственным его автору мастерством и страстью, сообщается немало интересного о разных важных и менее важных начинаниях и событиях в нашей лингвистике, которые многим (и не только молодому поколению) либо мало известны, либо совсем неизвестны. Воскрешаются имена лиц, о которых редко вспоминают. Интересны характеристики отдельных лингвистов. Конечно, они субъективны, но это не умаляет их ценности, поскольку они принадлежат перу одного из виднейших представителей нашей науки.

В общем, будущий историк советского языковедения найдет во 2 и 3-м разделах

«Очерка» много ценного и полезного для себя материала. Вместе с тем я должен сразу же сказать, что в «Очерке» нет не только объективной истории отечественной фонологии в целом (автор этого и не обещает сделать), но и сколько-нибудь стройного изложения путей развития теории Московской фонологической школы. Читатель не получает ясного представления даже о сущности этой теории, о том, что характеризует именно ее в отличие от всех других наших и зарубежных теорий.

Не удивительно, что автор, заканчивая свой очерк, сам заметил это упущение и вынужден был дать сжатое и догматическое изложение (как он сам его характеризует) основных положений Московской фонологической школы (стр. 114—120). При этом значительная часть сообщаемого здесь не содержит ничего специфического для МФШ (Московской фонологической школы). Например: «4. Для каждого яруса может быть выделена его основная единица. 5. Для морфологического яруса основной единицей является м о р ф е м а. 6. Для фонологического (или: фонетического) яруса основной единицей является ф о н е м а... 30. При определении того или иного фонологического изменения следует опираться не на натуралистический закон М. Граммона о „более сильном звуке“, а на его интерпретацию, данную М. И. Стеблиным-Каменским, указавшим на „функционально более важный в системе элемент“ и т. д. (ср. также пп. 19, 26, 27)».

Для недостаточно осведомленного читателя остается неясным, что именно отличает теорию МФШ от других фонологических теорий. В очерке недостаточно ясно показано, что началом теории МФШ, наиболее характерной для нее особенностью является признание всех комбинаторно и позиционно обусловленных чередований звуков модификациями фонемы, независимо от того, используются ли когда-нибудь в данном языке чередующиеся звуки как противопоставленные

фонемы или же не используются, иначе говоря, свойственны ли данные чередования сильной позиции (позиции максимального различия фонем) или только слабой (т. е. позиции нейтрализации). Первый вид модификации дает вариации фонем, второй — варианты. Особенно необходимо было бы подчеркнуть это особое значение термина «вариант», которое отличается от его трактовки в мировой фонологии. Указанное положение является центральной идеей МФШ, характеризующей ее на протяжении всей истории этой школы. Оно является той лакусовой бумажкой, по которой можно определить принадлежность того или иного фонолога к МФШ.

Раздел «Зарождение московской фонологической школы» в тех немногих страницах, которые относятся к существованию МФШ, представляет во многом искаженную картину. На стр. 16 А. А. Реформатский правильно сообщает о том, что Н. Ф. Яковлев изложил свое фонологическое кредо еще в 1923 г. в «Таблицах фонетики кабардинского языка», но он не приводит из этой работы никаких цитат и не включает ее в свою хрестоматию. Вместо этого А. А. Реформатский цитирует в этом разделе, а в хрестоматии полностью перепечатывает статью Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита», опубликованную в 1928 г.

Как известно, в первой статье Н. Ф. Яковлев выражает лишь свое несогласие с психологическими формулировками Бодуэна и Щербы, считая, что они не отражают существа их понимания фонемы. По поводу индивидуального сознания говорящего он писал: «фактически не оно и является базисом в работах последователей теории фонемы. Таким базисом является место и роль отдельных звуковых моментов в системе смысловых, т. е. морфологических и лексических элементов языка»¹. Цитата, приводимая А. А. Реформатским из работы Н. Ф. Яковлева 1928 г., звучит несколько по-иному. Объяснить это можно только тем, что Н. Ф. Яковлев по обязанности марриста, каким он стал к этому времени, должен был представить Щербу как идеалиста.

Самое главное, однако, не в этом, а в том, что обе обсуждаемые статьи не имели ни малейшего отношения к еще не зарождавшейся в те годы МФШ. Из работ Н. Ф. Яковлева, безусловно, должны были найти себе место в хрестоматии те страницы из его книги по адыгейской грамматике, написанной в соавторстве с Амхамафом, на которых излагается теория фонемы. Там, действительно, авторы исходят из изложенной выше основной идеи МФШ. А. А. Реформатский,

конечно, не случайно не поместил этого в хрестоматию; он, очевидно, не хотел показывать, что теория МФШ использовалась в плане «нового учения о языке». Впрочем в этом не крылось никакой опасности, так как всякому читателю ясно, что попытка истолковать определение фонемы Марра в духе МФШ не имеет абсолютно никаких оснований.

Не имеет отношения к МФШ статья А. М. Сухотины и К. К. Юдахина, а также и статья Г. О. Випокура. Первая в общем не противоречит любой теории фонемы, вторая не содержит даже термина «фонема», хотя она была опубликована в 1947 г., когда это понятие завоевало уже весь лингвистический мир; по существу же ее можно истолковать и в духе щербовских двух типов чередований, но только описанных в старомодных выражениях.

Нельзя согласиться с А. А. Реформатским в его трактовке взглядов Бодуэна. Бодуэн не был догматиком, и взгляды его не оставались неизменными. Во «Введении в языковедение», в отличие от старых работ, он считал фонему единицей деления «с точки зрения фонетической», а морфему — «с точки зрения семасиологически-морфологической». Это совсем не похоже на признание фонемы частью морфемы, а звука — единицей фонетической делимости, какое мы находим у А. А. Реформатского и у Бодуэна семидесятых годов.

Указание Бодуэна на то, что «фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения» (стр. 48), может быть, и не означает ничего более общепризнанного положения, что фонемы как таковые лишены смысла. Во всяком случае и здесь уместно вспомнить, что в одной из самых последних его работ, относящихся к последнему году его жизни, Бодуэн различал два принципа орфографии: фонемографию и морфемографию, а из этого следует, что он признавал независимость фонем от морфем.

Больше всего эмоций вложено А. А. Реформатским в разделы о расхождении Московской и щербовской фонологических школ и об оценке МФШ зарубежными и отечественными лингвистами. Вследствие этого они наименее объективны и точны. Многие в них поставлено с ног на голову.

А. А. Реформатскому почему-то очень не хотелось бы, чтобы Щерба первым сформулировал так называемую смысло-различительную функцию фонемы, он приписывает это Бодуэну, но процитировать Бодуэна он, естественно, не может, так как у него подобной формулировки нет не только в работе 1868 г., но и ни в одной позднейшей. А. А. Реформатский цитирует С. И. Бернштейна, который, однако, совершенно не имел

¹ Н. Ф. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, I, 1923, стр. 65.

в виду «ниспровергать» Щербу. Что же касается существа дела, то идея различной роли звуков интуитивно присутствовала в науке с тех пор, как возникло языковедение: в русской науке, как я уже однажды писал об этом², совершенно недвусмысленно высказывался в этом плане еще Ломоносов в «Российской грамматике». Вместе с тем определение фонемы и притом с полной четкостью ввел Щерба, и, как, конечно, известно А. А. Реформатскому, впервые указал на это не кто иной, как Трубецкой³. Важнее всего не само определение, а то, что Щерба таким путем противопоставил понятия «фонема» и «оттенок»; ведь только с принятия этого противопоставления можно сказать, что теория фонемы получает ясные очертания.

Во всех фонологических теориях гораздо больше общего, чем различного. Много общего также и между фонологией щербовской и МФШ и притом даже в исходных положениях. А. А. Реформатский не заметил того, что Щерба, как и после него представители МФШ, при истолковании понятия фонемы отпирывались от ее связи с морфемой и способности различать морфемы. Однако Щерба выводил из этого самостоятельность фонемы как лингвистической единицы, по МФШ же фонема это только часть морфемы, это единица, которая занимает, по словам П. С. Кузнецова, одно и то же порядковое место в составе данной морфемы⁴.

В основе щербовского толкования понятия фонемы лежит то, что ее неделимость (синтагматический план) и единство (парадигматический план) определяются в конечном счете смысловым и морфологическим критерием. Этим щербовская фонология отличается и от Пражской, и от дескриптивистской и от ряда других. Обо всем этом можно заключить уже при внимательном чтении «Русских гласных».

К сожалению, А. А. Реформатский не заметил этого и даже считал возможным процитировать слова Г. А. Климова о практической беспомощности фонологического анализа Щербы⁵. Разве не известно всем, что при описании множества бесписьменных языков Советского Союза, все лингвисты в двадцатых и тридцатых годах пользовались выявлением фонемных противопоставлений через смысловозначительную функцию, как это

было указано Щербой в «Русских гласных»? Разве не ясно, что все без исключения фонологи определяют состав фонем языка по наличию противопоставлений в положении максимального различения? Расхождения в результатах объясняются не различной трактовкой фонемы, а, в основном, разным объемом привлекаемого материала и разным пониманием механизма членения потока речи.

По правильному определению А. А. Реформатского, фонология — это более высокая ступень развития фонетики. Как пишет польский фонетик Л. Заброцкий, «все современные фонетические исследования, исходит, по существу, из того само собой разумеющегося положения, что звуковая субстанция является отражением абстрактных единиц»⁶. И действительно, для современной фонетики ясно, что в языке и в речи не существует иной звуковой единицы, кроме фонемы. Сказанное справедливо не только для собственно фонетических исследований, но и для исследований по акустике речи, автоматическому распознаванию речи и т. п.

Считая, что в этих случаях оперируют единицами, определяемыми не лингвистически, что такие речевые единицы, следовательно, существуют, А. А. Реформатский не отдает себе отчета в том, что он в этом отношении стоит на точке зрения досиверсовской фонетики первой половины прошлого века. Впрочем это можно сказать о МФШ вообще, если учесть следующую цитату из программной статьи П. С. Кузнецова: «Любой звук речи может быть ограничен от звука речи предшествующего и последующего. Это может быть сделано с разной степенью точности, какими средствами — в данном случае безразлично. Несмотря на наличные артикуляционные и акустические переходы от одного звука к другому, такое разграничение проведет любой говорящий на данном языке, с большей степенью точности наблюдатель-лингвист, еще с большей степенью точности — прибор»⁷.

В «Очерке» содержится множество порицаний Щербы и его последователей и, наоборот, высоких оценок МФШ, с которыми не всегда можно согласиться. О некоторых из них хочу сказать несколько слов. По А. А. Реформатскому, получается, что теория фонемы МФШ созвучна идеям мировой фонологии (см. стр. 73). С ним пришлось бы согласиться, если бы он привел в качестве

² Л. Р. Зилдер, К истории фонетики в России, «Уч. зап. ЛГУ», 237, 1960, стр. 9.

³ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 42—43 (примеч.).

⁴ П. С. Кузнецов, Об основных положениях фонологии, в кн.: «Из истории отечественной фонологии», стр. 476.

⁵ А. А. Реформатский, Из истории отечественной фонологии, стр. 66.

⁶ L. Z a b r o c k i, [Рец. на кн.:] «Sprachen, Zuordnung, Strukturen», «Phonetica», 18, 4, 1968, стр. 247.

⁷ П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 473. Неясно, как относится к этой статье А. А. Реформатский, но для всех она прозвучала как манифест Московской фонологической школы.

примера хотя бы одну такую теорию, в которой противопоставляются понятия (я не говорю о терминах): фонема — вариация — вариант. Противопоставление же: фонема — оттенок (или вариант, аллофон) не нуждается в подобных иллюстрациях ввиду почти полной его универсальности. Что же касается «нейтрализации», то она трактуется по-своему как в щербовской школе, так и в МФШ.

А. А. Реформатский всячески подчеркивает лингвистичность теории МФШ. Вместе с тем, не соглашаясь с морфологическим обоснованием бифонемности долгого мягкого глухого шипящего в русском языке, он пишет: «по Аванесову и Реформатскому... при московском (и общесценическом) произношении этих согласных как „долгих дорсально мягких фрикативных“ налицо монофонемность, тогда как при других „произношениях“ (*щ* как [шч] или [ш:] твердое!) следует признать бифонемность» (стр. 73).

Одним из важнейших преимуществ теории МФШ А. А. Реформатский считает, по-видимому, ее мнимую созвучность с основными принципами рациональной орфографии. Следует отметить, что этот тезис усиленно пропагандируется всеми сторонниками МФШ, так что многим он кажется достаточно убедительным. Тем не менее приходится признать, что это является плодом глубочайшего недоразумения, корни которого кроются в том, что МФШ, как об этом свидетельствуют и первые работы, опубликованные в «Хрестоматии», возникла из рассмотрения принципов русской орфографии.

Обращение позиционно чередующихся единиц вовсе не подразумевает того, чтобы они представляли одну морфему, а не объяснялись морфологическими связями. Поэтому между сторонниками МФШ и не согласными с ней лингвистами абсолютно нет никаких принципиальных противоречий относительно ведущего принципа, в частности, русской орфографии. Разногласия по существу касаются только названия этого принципа. В этом смысле не было абсолютно никаких разногласий и у Щербы с Н. Ф. Яковлевым.

В этой связи я считаю необходимым подчеркнуть, что Бодуэн, готовый признать за одну фонему даже и исторически чередующиеся фонемы⁸, считал ор-

фографию типа русской морфеморграфии.

Итак, если отвлечься от чисто внешних ассоциаций и вникнуть в существо дела, то оказывается, что теория фонемы МФШ не только не раскрывает основ русской орфографии, а полностью беспомощна в объяснении написаний так называемых гиперфоне́м. Действительно, почему в слове *стол* пужно писать *с*, а в *где* *г*? По-видимому, не совсем неправ был Л. И. Жирков, обвиняя МФШ в агностицизме. П. С. Кузнецов, может быть, движимый стремлением выйти из этого тупика, и пришел к понятию звука языка, но ведь это понятие подразумевает независимое от морфем существование языковых звуковых единиц.

В заключение должен указать на абсолютную недопустимость цитирования неопубликованных работ и особенно в случае, если они подвергаются критике. Это А. А. Реформатский позволил себе сделать в отношении еще и до сих пор не опубликованной статьи Л. В. Бондарко, которая доверительно послала ему рукопись статьи на отзыв. Непонятно, почему редакция книги допустила такое недозволительное цитирование.

Что касается «Хрестоматии», то, с учетом высказанных выше замечаний, ее появление следует, безусловно, приветствовать. Читателю, конечно, удобно иметь в одной книге работы, собранные из разных изданий, зачастую малодоступных. В свете этого мне кажется, что вместо некоторых статей, включенных, как я указывал выше, без достаточных оснований, было бы целесообразнее включить в «Хрестоматию» некоторые разделы из «Введения в языковедение» А. А. Реформатского, несмотря на то, что эта книга достаточно широко известна.

Л. Р. Зиндер

2, М., 1963, стр. 277. Как известно, Бодуэн не дал единого законченного определения фонемы. С. И. Бернштейн в своей статье «Основные понятия фонологии» (ВЯ, 1962, 5) прекрасно показал, что за бодуэновской фонемой скрывается целая система фонологических единиц. Недаром ближайшие ученики Бодуэна, сначала Щерба в России, а за ним Улашин в Польше сочли необходимым развить то, чего не сделал их учитель «с надлежащей полнотой» (см. «Русские гласные», § 4).

⁸ Н. А. Бодуэн де Куртене, Избр. труды по общему языкознанию,